

Мое Сердце.

I.

Какъ и многихъ, извѣстіе о началѣ войны застало насъ на дачѣ. Жили мы на югѣ, въ мягко шумѣвшемъ еловомъ лѣсу.

Я была замужемъ уже восьмой годъ. За это время я успѣла не только примириться съ долей жены чиновника контрольной палаты, получающаго двѣ тысячи четыреста рублей въ годъ, но и полюбить какъ-то по новому его, милаго труженика и необыкновенно добраго человѣка, отца моихъ дѣтей: семилѣтняго Миши и трехлѣтней Маруси. Еще не такъ давно я не сомнѣвалась, что, соединивъ свою жизнь съ Григоріемъ Николаевичемъ или какъ я называю его Жоржемъ, —сдѣлала непоправимую ошибку, потому что любила и люблю Леню,—двдцатилѣтняго поручика запаса кавалеріи и помѣщика, который часто шутилъ, говоря, что не знаетъ, зачѣмъ онъ родился на свѣтъ. Я и Леня никогда не считались женихомъ и невѣстой, и бывалъ онъ у насъ въ домѣ давно, въ дни моей юности, когда семья наша жила въ Петербургѣ, и я еще училась.

Ни моя мать, ни сестры Надя и Таня, никогда не подозрѣвали, до какой степени былъ онъ дорогъ моему сердцу. Да и трудно было предположить, чтобы такая вѣчно-занятая „зубрилка“, какой считали меня

домашніе и подруги по гимназіи, могла полюбить, по ихъ мнѣнію, легкомысленнаго офицера.

А между тѣмъ я увлекалась не только наружностью Лени, а именно его глубокосмысліемъ. Какъ это ни странно, но я была убѣждена, что Леня знаетъ о людяхъ и ихъ жизни гораздо больше, чѣмъ любой изъ моихъ учителей. Слушать его собственныя теоріи о Богѣ, о добрѣ и злѣ, а главное о любви бывало для меня огромнымъ наслажденіемъ. Леня часто повторялъ, что большое счастье на этомъ свѣтѣ возможно только при одномъ условіи: полной независимости другъ отъ друга тѣхъ, кто любить.

„Свобода дороже всего оттого, что она единственный путь къ этому счастью“...

Всѣ думали, что Леня бываетъ у насъ потому, что ему некуда дѣваться и потому, что ему нравится моя сестра Надя; а я, еще не услыхавъ отъ него ни одного ласковаго слова, уже знала навѣрное, что приходитъ онъ только ради меня, мало того: я не сомнѣвалась, что этотъ офицеръ, до самой смерти, будетъ играть въ моемъ существованіи огромную роль.

Леня чудесно игралъ на роялѣ, даже немножко сочинялъ, по большей части печальные, похожіе на похоронные, марши. Мою маму его музыка раздражала и даже пугала, вѣроятно казалась дурнымъ предзнаменованіемъ. Великій лѣнтяй отъ природы, Леня не хотѣлъ серьезно отдаться искусству и не зналъ, на какой линейкѣ ставится нота „до“, и на какой „ми.“

Его привелъ къ намъ въ домъ и познакомилъ мой теперешній мужъ, Григорій Николаевичъ, тогда студентъ послѣдняго курса юридическаго факультета и репетиторъ моихъ сестеръ.

Я была въ седьмомъ классѣ, когда Жоржъ въ первый разъ попроббвалъ объясниться мнѣ въ любви, но меня это объясненіе только разсмѣшило.

Жили мы тогда на большой дачѣ въ Финляндіи. Жили богато и весело. Отецъ занималъ мѣсто вице-директора одного изъ департаментовъ. Былъ онъ сухой и важный, но вспыльчивый, лицомъ очень напоминалъ писателя Григоровича. Отецъ пріѣзжалъ только по праздникамъ, и тогда въ домѣ слышались одни серьезные разговоры. Мы — дѣти побаивались его и я даже не знаю, любили ли?

Но съ понедѣльника и до субботы, я и сестры, средняя Надя и еще совсѣмъ маленькая Таня, дѣлали, что хотѣли, а вѣрнѣе ничего не дѣлали. Постоянными нашими кавалерами были Жоржъ и Леня, остальной составъ мѣнялся.

Леня о своихъ чувствахъ никогда и ничего не говорилъ, а если видѣлъ выраженіе влюбленности на лицѣ Жоржа, — только посвистывалъ и шевелилъ бровями. Потомъ онъ уѣхалъ въ Красносельскій лагерь и долго не появлялся, а Жоржъ, наоборотъ, на правахъ бездомнаго студента, по просьбѣ моей матери, переѣхалъ къ намъ жить, какъ будто на время, да такъ и остался навѣки.

Я видѣла своего теперешняго мужа каждый день за утреннимъ чаемъ, за завтракомъ и за обѣдомъ и не замѣчала его. У меня не было даже фотографической карточки Лени и тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что онъ гдѣ-то близко и все время думаетъ обо мнѣ. Я знала это навѣрное. Онъ часто мнѣ снился.

И теперь, черезъ девять лѣтъ, я не могу забыть одного изъ этихъ сновъ: видѣла его въ солдатской грубой шинели, но съ офицерскими погонями и почему-то замѣтила, что одна пола этой шинели немного длиннѣе другой, и на плечахъ у него какіе-то ремни, а не обычная золотая портупоя; будто подошелъ, обнялъ, поцѣловалъ меня горячими губами въ лѣвый глазъ и потупился. Когда онъ поднималъ голову, я увидѣла, что

Леня плачетъ. И проснулась...

И больше ничего не видѣла, а между тѣмъ впечатлѣніе осталось страшное, какое бываетъ послѣ того, когда смотришь на близкаго человѣка въ гробу.

Я два дня ходила, какъ сумасшедшая и отвѣчала на вопросы матери и сестеръ невпопадъ. Написала ему открытку въ Красное Село, думала, что онъ не пріѣдетъ, а онъ, милый, прискакалъ съ серьезными молчаливыми губами и много говорящими глазами. Пріѣхалъ даже въ будній день, совсѣмъ вечеромъ.

На небѣ была полная луна, море казалось похожимъ на молоко. Ясно выдѣлялся на горизонтѣ Кронштадтскій соборъ. Послѣ бѣлыхъ ночей радостно и пріятно было глядѣть на серебряную луну и на звѣзды.

Папа находился въ городѣ, а мама у насъ была добрая и не запрещала гулять хоть до разсвѣта.

Мы съ Леной нарочно убѣждали отъ сестеръ безъ Жоржа, чтобы они насъ не нашли, долго и быстро мы шагали по берегу и зашли Богъ знаетъ куда, вѣроятно верстъ за десять. Въ эту ночь мы только одинъ разъ поцѣловались, немножко сентиментальнымъ безгрѣшнымъ поцѣлуемъ. Но клянусь моими дѣтьми, съ тѣхъ поръ, уже будучи замужемъ, я ни разу не переживала такого счастья.

Я была очень искренна съ Леной, хотя о томъ, какъ видѣла его во снѣ, почему-то не сказала ни тогда, ни послѣ. Прошло уже много лѣтъ, но я и до сихъ поръ помню все, что онъ говорилъ.

Въ этотъ разъ мы почему-то особенно много разсуждали о Лермонтовѣ:

— Еслибы я былъ женщиной, вырвалось у Лени, то я за одинъ поцѣлуй такого человѣка отдалъ бы всю жизнь, а онѣ—эти Варечки Лопухины, эти Сушковы, Бухарсвы требовали, чтобы поэтъ Божьей милостью, вель себя, какъ добрый буржуа, который непременно

обязанъ жениться и народить кучу крикливыхъ дѣтей... Вѣдь каждая только и ждала, сдѣлаетъ или не сдѣлаетъ онъ ей предложеніе? Одна только была чуткая и умная женщина, которая знала и понимала цѣну этому корнету—это его бабушка, старуха Арсеньева. Вы вотъ почитайте, какіе онъ ей письма писалъ... Знаете, вотъ наше училище не всѣ любятъ, а оно хорошее, особенное... Отрицательные типы вездѣ бываютъ, но изъ него вышло много настоящихъ героевъ и рыцарей безъ страха. И мнѣ кажется, что присутствіе въ нашемъ зданіи Лермонтовскаго музея, играетъ свою невидимую, но очень большую роль...

Сказавъ все это, Леня надолго замолчалъ. Молчала и я и думала:

„Какъ же это Леня можетъ такъ говорить о Лермонтовѣ, котораго убили много лѣтъ назадъ, точно онъ его лично зналъ, точно поэтъ былъ его однокурсникомъ...“.

Помню, я тогда спросила, кто на этомъ свѣтѣ лучше мужчины или женщины, а Леня отвѣтилъ тоже вопросомъ:

— Что лучше нарцисъ или фіалка?

— И то и другое прекрасно.

— Ну такъ вотъ...— коротко пробормоталъ Леня.

— А гдѣ можно быть болѣе полезнымъ, на военной службѣ или на гражданской?

—Полезнымъ можно быть тамъ, гдѣ дѣло человека производить впечатлѣніе, а впечатлѣніе получается отъ всего талантливаго и красиваго, значить, мнѣ опять придется спросить, что лучше нарцисъ или фіалка? Поняли?

—Поняла.

—Ну и слава Богу, а то вѣдь есть много людей, какъ будто чрезвычайно знаменитыхъ и умныхъ, а такихъ простыхъ вещей до сихъ поръ они не знаютъ.

Мы встали съ повалившейся сосны, на которой си-

дѣли и медленно пошли обратно. Когда были уже недалеко отъ нашей дачи, начало всходить солнце, но намъ его видно не было, я только замѣтила, что кончикъ шпиля на башенкѣ нашего мезонина сталъ краснымъ, а крыша оставалась еще темной.

Леня пошелъ спать въ комнату Жоржа, а я къ сестрамъ. Ни одна изъ нихъ не проснулась.

Я подумала, что навѣрное и Жоржъ мирно поживаетъ и что будутъ всѣ они цѣлую жизнь спать.

«Ахъ, если бы Леня догадался и завтра убѣдилъ ихъ, что мы вернулись совсѣмъ не поздно, вѣрнѣе не рано,—какъ было бы это хорошо, а еще лучше, если бы онъ завтра цѣлый день не подходилъ ко мнѣ и ухаживалъ бы за Надей. Тогда ни у кого не зародилось бы никакихъ подозрѣній и сладость тайны нашей духовной близости стала бы еще острѣе»...

И онъ милый, угадалъ мои мысли и на слѣдующій день поступилъ именно такъ, какъ хотѣла, а вечеромъ опять уѣхалъ.

Мы увидѣлись только уже въ Петербургѣ, осенью.

II.

Теперь буду продолжать рассказывать совсѣмъ откровенно, какъ и когда я почуяла и узнала навѣрное, что люблю Леню больше всего на свѣтѣ, больше самой себя.

Чисто мое сердце и мое тѣло, и я знаю, что если когда-нибудь эти строки прочтутъ мои дѣти, они не осудятъ меня, только пусть не увидятъ ихъ Жоржъ, чтобы не страдалъ человекъ, отдавшій мнѣ свою жизнь, у котораго не было другихъ радостей кромѣ меня.

Итакъ, наступилъ учебный годъ. Я очутилась въ восьмомъ классѣ, Надя въ шестомъ, а Таня въ третьемъ. Папа аккуратно ходилъ на службу и спалъ послѣ обѣда, мама аккуратно заботилась о его здоровьѣ и карьерѣ, а мы, дѣвочки, учились и жили въ свое удовольствие. И хотя я и сестры были не сироты и люди не бѣдные, но, какъ теперь понимаю, росли безъ всякаго надзора,—мама заботилась только о нашей внѣшности. И платьевъ, и всякихъ ботинокъ, и туфель у насъ было предостаточно. Они радовали только Надю, Таня была еще ребенкомъ, а я уже поняла, что даже для женщины одежда это еще не все.

Въ восьмомъ классѣ положительно нечего было дѣлать. Оставалось читать и ждать, когда придетъ Леня. У Жоржа предстояли государственные экзамены и онъ отрывался отъ своихъ учебниковъ только для обѣда и для того, чтобы позаниматься съ сестрами.

По моимъ наблюденіямъ, и къ моей великой радости Надя безусловно была въ него влюблена. Правда чисто по дѣтски, иногда она нарочно мучила его просьбами рѣшить какую нибудь очень трудную алгебраическую задачу. Жоржъ ежился, морщился, но отказать не смѣлъ и только умоляюще смотрѣлъ на меня, а я уходила.

По субботамъ у насъ бывали журъ-фиксы. Взрослые сидѣли въ кабинетѣ у отца и по большей части играли въ бриджъ. А двѣ-три гимназистки, товарищъ Жоржа, студентъ съ очень странной фамиліей Непытайло и мои сестры—въ столовой.

Леня никогда не приходилъ въ эти дни, и можетъ быть потому, я держалась нейтральнымъ государствомъ до тѣхъ поръ, пока сама не научилась играть въ бриджъ.

Не знаю, умышленно или неумышленно, но Леня являлся обыкновенно, послѣ обѣда, когда папа спалъ, мама уходила въ городъ за покупками, а сестры учи-

лись. Какъ разъ въ это время, отъ семи до восьми, Жоржъ занимался съ Таней: объяснялъ ей географію, которой она терпѣть не могла, а потомъ рѣшалъ безконечныя задачи. Какъ у старшей, у меня была совсѣмъ отдѣльная комната, и, сидя здѣсь съ Леной, я чувствовала, какъ рѣвнуетъ и мучается тамъ за своей географіей Жоржъ.

Мнѣ кажется, что Леня былъ мнѣ особенно дорогъ потому, что я за все время нашего знакомства я ни разу не услышала отъ него избитаго слова «люблю». И какъ это ни странно, чѣмъ яснѣе и сильнѣе разгоралось мое чувство и, какъ я была убѣждена, и чувство Лени, тѣмъ меньше говорили мы о любви. Изрѣдка только обмѣнивались горячими долгими рукопожатіями. Одной изъ постоянныхъ темъ нашихъ разговоровъ было рѣшеніе вопроса о томъ, что нравственно, а что безнравственно. Леня отвѣчалъ на него очень просто: нравственно все, что естественно, все, что вложено въ человѣка природой, а безнравственно все то, что мѣшаетъ жить другимъ. Я съ этимъ никакъ не могла согласиться, потому что для каждой изъ дѣвушекъ весьма естественно увлечься женатымъ человѣкомъ, какъ и для замужней холостымъ и весьма естественно желать взаимности, но это будетъ мѣшать жить женѣ того субъекта.

Если же полюбившіе сумѣютъ скрыть свои чувства и близость, то не обойдутся безъ лжи, которая всегда не только отвратительна, но и мучительна.

По моей теоріи, нравственной являлась только близость абсолютно свободныхъ и никогда не любившихъ никого, кромѣ другъ друга, людей.

Должно быть, Господу Богу было угодно наказать меня за столь узкое понятіе о нравственности и о любви. И мнѣ, такъ всей душой ненавидѣвшей ложь, пришлось затѣмъ скрывать свои чувства и тянуть комедію

преданности мужу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Когда приходилъ Леня, я чувствовала себя счастливой съ головы до пятокъ. Время въ эти дни всегда летѣло изумительно быстро. Однажды, я даже заподозрила Леню въ томъ, что онъ повернулъ стрѣлки часовъ, пока я сбѣгала въ комнату къ сестрамъ за томикомъ Толстого, о которомъ мы говорили.

Но въ домѣ у насъ былъ показатель времени гораздо болѣе точный, чѣмъ часы—это папа. Ровно въ половинѣ девятого раздавался его сухой чиновничій кашель, это означало, что онъ проснулся и сейчасъ выйдетъ въ столовую къ чаю, за которымъ должна была присутствовать вся семья. Нашъ *tête-à-tête* съ Леней прерывался, я видѣла, какъ онъ начиналъ разговаривать, какъ будто особенно внимательно съ моей сестрой Надей. Я не испытывала ни малѣйшей ревности, потому что знала навѣрное, что это какъ будто и на самомъ дѣлѣ „какъ будто“. И слова, которыя произноситъ Леня, говорятся не для Нади, а для мамы, чтобы она не заподозрила о нашемъ счастьи.

Уходилъ онъ обыкновенно ровно въ одиннадцать часовъ, и только одна я замѣчала въ его карихъ глазахъ тоску.

Потомъ изъ моей комнаты (мы жили въ третьемъ этажѣ) долго мнѣ казалось, что я слышу, съ улицы звонъ его шпоръ.

Передача мыслей на разстояніи—удивительное дѣло я замѣтила эту способность человѣческаго организма еще давно и была склонна объяснять себѣ какъ явленіе сверхъестественное. Но въ шестомъ классѣ, на урокахъ физики, я услышала о радіо-телеграфѣ, который дѣйствуетъ безъ проводовъ, и тогда же мнѣ пришло въ голову, что, какъ дѣйствіе телеграфа есть результатъ человѣческой воли и любви къ извѣстной идеѣ, такъ и способность угадывать и чувствовать, что дѣлается

съ близкимъ человѣкомъ, есть результатъ воли и любви.

Во вторникъ, перваго сентября я шла по Невскому изъ публичной библіотеки и безъ всякаго повода вспомнила о Ленѣ. Черезъ какую-нибудь минуту я уже встрѣтила его возлѣ Екатериненскаго сквера.

Не всѣ знаютъ и не всѣ вѣрятъ, что лучшее время года въ Петербургѣ—это осень, что въ сентябрѣ почти не бываетъ дождей, и умирающая природа на островахъ бесконечно красива и трогательна.

—Гдѣ были?—просто спросилъ Леня.

—Въ библіотекѣ.

—Зачѣмъ?

—Да нужно было одного автора по педагогикѣ достать.

—Что-жь?

—Конечно, не достала...

До Аничкина моста мы прошли не разговаривая; Леня поглядѣлъ на воду, на небо, и тономъ человѣка, не сомнѣвающагося, что онъ услышитъ утвердительный отвѣтъ, произнесъ:

—Возьмемъ «таксу» и поѣдемъ на острова.

И странно, въ этихъ шутливыхъ и, какъ будто немножко грубо-сказанныхъ словахъ, я уловила ноту огромной нѣжности. Иногда въ письмѣ близкаго человѣка, написанномъ въ игривомъ тонѣ, гдѣ то между стрѣками угадываешь ласку, съ которой въ сердцѣ бралъ перо тотъ, кто писалъ. Дальше въ жизни я замѣтила, что этой искусственной грубости боятся только неразвитыя женщины, требующія, чтобы въ словахъ любимаго человѣка было побольше сахара.

Я ничего не отвѣтила Ленѣ. ибо, по моему, для него уже давно было ясно, что все, чего хочетъ онъ, хочу и я.

Автомобиль попался неважный. Потряхивало. Трусливый шоферъ на углахъ замедлялъ ходъ, и мы до